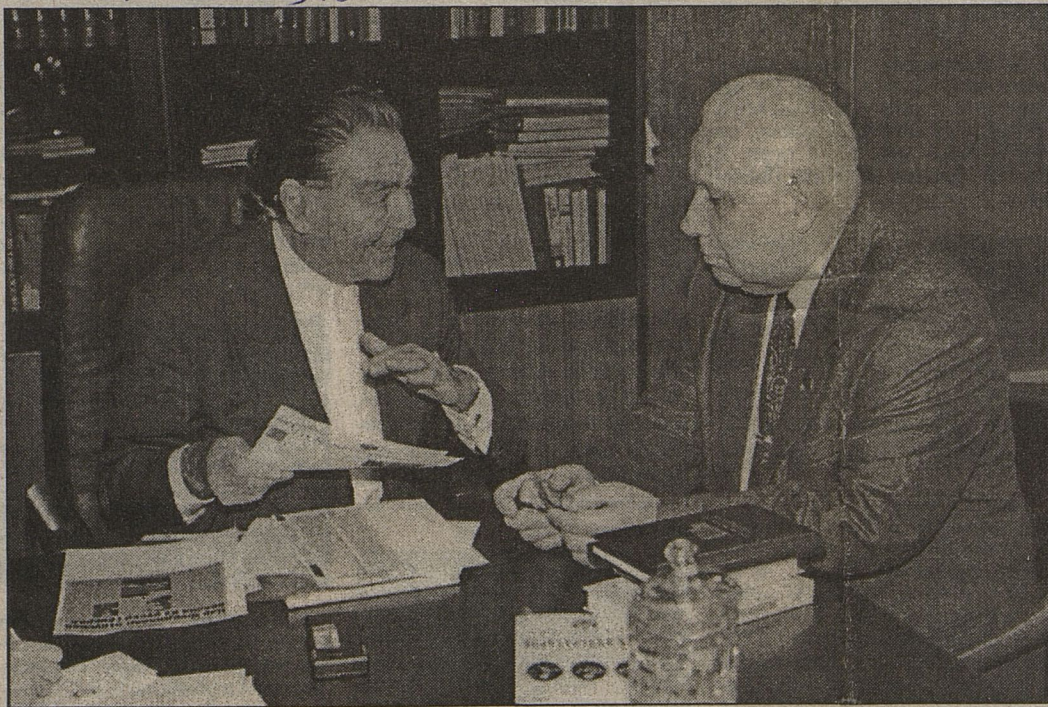

МАГИЯ АВТОРСКОГО СЛОВА

Коллекции звукозаписей Анатолия Лукьянова

Независимая газета, - 2001, - 7 марта, - с. 9, 15

Анатолий Лукьянов – известный политик, ученый-правовед, поэт, выпустивший в свет одиннадцать сборников своих стихов. Кроме того, а может быть, и прежде всего, он – собиратель записей голосов русских и зарубежных художников слова, первые из которых были сделаны еще в самом начале XX века, на знаменитом фонографе Эдисона. Коллекция Лукьянова поистине уникальна, ее созданию он отдавал свои силы и свободное время фактически всю свою взрослую, сознательную жизнь. Кроме того, Анатолий Иванович является обладателем 12-тысячной поэтической библиотеки, а также достаточно полного собрания почтовых марок, на которых изображены писатели и поэты. Эти коллекции позволяют людям, вступившим в третье тысячелетие, услышать вживую и увидеть великую поэзию современности в ее авторском лице и исполнении. Иными словами, Анатолий Лукьянов собрал и сохранил для нас, для всех последующих поколений человеческие документы потрясающей силы. С Анатолием Лукьяновым встретился и побеседовал корреспондент «НГ».

Два коллекционера. Барон Фальц-Фейн и доктор Лукьянов.

Сергей Земляной

-АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ, на мой взгляд, то есть на взгляд профана, отношение между коллекционером и его коллекцией (если, конечно, это настоящий коллекционер и настоящая коллекция) отнюдь не носит идиллического, бесконфликтного характера. В чем источник драматизма этих отношений? В том, по-моему, что, когда коллекция только затевается, когда собирательство еще не успело обратиться в страсть, эти занятия для начинающего коллекционера имеют как бы необязательный, досуговый характер. Но когда коллекция сложилась, она в какой-то момент из причуды и хобби превращается в дело всей жизни коллекционера. И как бы даже перерастает его самого. У коллекционера возникает некий комплекс ответственности перед собственной коллекцией, тревожное стремление во что бы то ни стало сберечь и передать ее в неприкосновенности ближним и дальним. И тогда собиратель в буквальном смысле теряет покой и сон. Прав ли я? Или я ошибаюсь?

— Вы правы. Дело в том, что на каком-то этапе коллекция начинает командовать коллекционером. У меня это так, собственно, и получилось. Перед встречей с вами я взялся вспоминать, с чего все это мое коллекционирование началось. Пришлось отмотать в памяти назад целых полвека. Тогда

я был студентом МГУ, и помимо лекций, семинаров, экзаменов и зачетов меня волновала еще одна очень важная вещь: я искал в букинистических магазинах книжки для моей поэтической библиотеки. Как вы понимаете, никакими специальными деньгами, кроме своей стипендии, я не располагал, но в ту пору из стипендии можно было выкроить крохи, которых хватало для покупки сборников русских поэтов. Нередко случалось, что мне удавалось приобрести и довольно редкие книги, первоиздания...

— Вы, наверное, еще застали те легендарные среди книжников годы, когда книги в букинистические магазины сдавали и принимали на вес?

— Да, именно в эти годы я дал себе зарок купить все тома большой «Библиотеки поэта», а также по возможности обзавестись полным комплектом малой. Первый сезон погоны за книгами открылся для меня в 1948 году, когда я приехал в Москву и поступил на юридический факультет Московского университета. Правда, к этому времени я уже достаточно хорошо знал русскую поэзию и встречался с некоторыми поэтами...

— Ну, Смоленщина, откуда вы родом, — это родина многих больших русских поэтов: Грибоедов, Хомяков, декабристы, Твардовский, Исаковский, Рыленков — какие замечательные люди, какие звонкие поэтические имена!

(Окончание на стр. 15)

СОБИРАТЕЛЬСТВО

Поэт гор и поэт полей. Расул Гамзатов и Анатолий Лукьянов.

МАТЕРИАЛ
АВТОРСКОГО СЛОВА

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Да, это так. Что же касается собрания записей голосов по-этов, то оно появилось у меня довольно случайно, с разговора с человеком, которого до того дня я видел только на сцене. Это был Николай Павлович Смирнов-Сокольский. Встреча произошла неожиданно в книжном магазине, располагавшемся в проезде Художественного театра, в «Пушкинской лавке». Николай Павлович поинтересовался, какие книги я покупаю, что собираю. К тому времени мне удалось выловить довольно интересные книги, например, сборник стихов Сергея Клычкова, который был издан сразу после революции. На этой книге я обнаружил автограф Анны Ахматовой.

Ахматова и Клычков, насколько мне известно, дружили?

— Ахматова интересовалась творчеством Клычкова. Это я узнал потом. Я рассказывал об этом моем приобретении Смирнову-Сокольскому. Он сказал, что увлечение русской поэзией дело хорошее и что у меня, мол, наверняка есть и другие любопытные книжки. Так после нашего первого контакта мне удалось увидеть его огромную библиотеку, в которой были прижизненные издания произведений русских писателей и поэтов — и Радисева, Пушкина, и многих-многих других. Николай Павлович показывал мне книги не просто с автографами их великих авторов, но с авторской правкой, с авторскими пометами и отчеркиваниями.

— Анатолий Иванович, но ведь такие книжки — удовольствие дорогое, даже по советским меркам. На какие средства он покупал все эти сокровища? Бабушкины бриллианты?

— Да нет. По-моему, он неплохо зарабатывал: был очень известным эстрадным артистом, популярным конферансье. И очень увлеченным человеком. Он написал прекрасную «Книгу о книгах» и был одним из ведущих знатоков русской литературы, коллекционером милостью Божьей.

— И все-таки знаток чего: литературы или книг? Это ведь разные вещи.

— И книги, и литература. Показывая свои книги, автографы на них, правки, внесенные в текст стихов их создателями, он как-то вдруг обмолвился: «Какая тонкая, восхитительная работа! Как великолепно отгадывается мысль, ощущается поразительное чувство слова. Но ведь все это — на страницах напечатанных книг, все это в рукописи. Представьте себе, как усилилось бы впечатление от стихов, если бы мы услышали, как сам поэт читает их в воспринятом виде, если бы он рассказывал нам, почему он внес именно такие коррективы! О, если бы мы имели возможность услышать в авторском исполнении стихи Пушкина или Тютчева, Баратынского или Лермонтова! Ведь это была бы совсем другая поэзия! К сожалению, книжный текст больше похож на гербарий: он хорошо читается, воспринимается как живое по-своему, но это все-таки гербарий. А голос писателя, произносящий свои стихи, — это благоухающее поле цветов. Живых цветов. Полюбить отдал бы за то, чтобы увидеть это поле и вдохнуть в себя его запах!».

Вот что сказал мне старик. Это было прекрасно. Может быть, именно в тот момент во мне зародилась мечта оживить мои эстетические библиотеки: голоса авторов собранных в ней поэтических книг.

— Гербарий то обринул. «В нем выражается наша зависимость от обстоятельств». Не была ли поставленная вами тогда цель непосильной для нищего студента? Не отвлеклись ли вы напрочь, вопреки Гегелю, от всех обстоятельств?

— Ну, что же... Мечта моя в то время действительно была малоосуществимой. В начале XX столетия не существовало сколько-нибудь совершенной аппаратуры звукозаписи. А меня прежде всего интересовали поэты Серебряного века. Разумеется, не было и финансовых возможностей. Как собиралась моя коллекция? По одной пластинке. Но, как говорят историки на Руси, лиха беда начало. Правда, с той поправкой, что это было отнюдь не началом, а продолжением.

— А что же тогда было началом?

— Оттолкнулся я от того, что стал узнавать, как же записывались голоса литераторов, как они сохранялись, откуда это пошло. И я тут же убедился, что влезало в сферу, которой литературоведы и филологи уже занимаются. Думаю, что одной из самых первых, а может быть, вообще первой записью голоса русского писателя были записи голоса Льва Николаевича Толстого. Они датируются июлем, сентябрем и декабрем 1908 года. Причем декабрьская запись была сделана представителями фирмы Эдисона, а сам Томас Эдисон обратился к Толстому с письменной просьбой. В письме этом довольно подробно говорилось: «Ваша слава всемирна. И я уверен, что ваше обращение будет выслушано с жадным вниманием миллионами людей, которые не смогут не подпасть под впечатление глубины и искренности ваших слов. А слова эти благодаря такому посреднику будут сохранены навечно». Заодно Эдисон не преминул похвалиться, что записи на фонографе и на пластинках, которые к тому времени уже появились, расходились миллионными тиражами. Я сам видел эти

пластинки с изображением собачки (фирменный знак компании Эдисона, которая занималась выпуском граммофонных пластинок): собачка слушает голос своего хозяина. Видимо, к этому периоду относится и записка Толстого, которая попала в альбом Эдисона, куда включались отклики знаменитых людей на его изобретение. Вот что написал великий писатель замечательному американскому изобретателю по поводу звучащей литературы: «Самая могучая сила в мире — это мысль. Чем больше форм для своего выражения она находит, тем больше эта сила может проявить себя. Изобретение киноаппарата было эпохой в истории человечества. Другой такой эпохой станет появление телефона и особенно фонографа, который является наиболее эффективным и впечатляющим средством для того, чтобы запечатлеть и сохранить не только слова, но и оттенки голоса, его произношение». И подписать: «Лев Толстой». К этой оценке значения записи голосов литераторов сегодня, собственно, нечего прибавить. Гениальный писатель глядел буквально на столетие вперед, как бы предвидя, что вслед за фонографом появятся граммофон и патефон, затем магнитофон и лазерный диск, которые необыкновенно расширят возможности звукозаписи.

— Но ведь это ничего не изменяет в существе оценок Толстого?

— Никим образом. Сейчас существуют все условия для того, чтобы сохранить для потомков не только голоса мастеров литературы и искусства, деятелей культуры и просвещения, но также ученых и педагогов, политиков и общественных лидеров. Всех значительных людей эпохи. И эта идея

забрехала уже в начале XX века. Поэтому неудивительно, что в 1908–1910 годах «Российское общество деятелей периодической печати» стало записывать голоса писателей. Вот где истоки, вот где подлинное начало мечты, которая у меня родилась в середине XX века.

— Анатолий Иванович, вы рассказываете очень интересные вещи. Не являлся ли Октябрьская революция в этом смысле если не обломом, то радикальным переделом?

— Нет. Октябрьская революция вовсе не положила конец этим поискам, как принято считать на Западе, да и кое-где у нас. Продолжило нечто совершенно противоположное. До революции усилиями энтузиастов звукозаписи удалось сохранить голоса Льва Толстого, Плещеева и немногих других. Но все главное было сделано уже после 1917 года. Суть в том, что за осуществление этой идеи взялся петроградский Институт живого слова. Открывал этот институт Нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. Он произнес захватывающую речь, где между прочим говорил: «Я совершенно убежден, что целая бездна художественных наслаждений, психологических глубин, сокровенных красок выяснятся перед той культурой, которая будет культурой звукозаписи». И дальше: «Россия затворилась и загосподила даже, и нам необходимо, чтобы этот разговор приобрел как можно скорее четкость, чтобы возможно больше было таких людей, которые говорили бы то, что они думают». Это актуально и сегодня.

— Это какой же год был, 1923-й?

— Это был 1918 год. Работа в Институте живого слова буквально кипела. Кто задал тон в этой работе? Знаменитый юрист Кони. Ученый-лингвист Шерба. Литературовед Эйхенбаум. Артист и режиссер Мейерхольд. И многие другие. Что касается лекционного курса по теории поэзии, его читал Николай Гумилев. А филологическую лабораторию в этом институте возглавлял Сергей Игнатьевич Бернштейн. Его усилиями в то время были сделаны многие уникальные записи. Валики с записями этих голосов, к великому счастью, сохранились до наших дней...

— Где они хранятся, в Пушкинском доме?

— В Литературном музее. Кого записывал Бернштейн? Назову некоторые имена: Александр Блок, Андрей Белый, Михаил Кузмин, Сергей Есенин, Николай Клюев, Владимир Маяковский, Николай Гумилев... Ну, это же самый шестой русский поэтический XX век! Да. Это самый цвет. Вплоть до 60-х годов Бернштейн продолжал работу по собиранию и изу-

чению голосов писателей в Московском университете. Переезд в Москву был связан с закрытием Института живого слова и другими бедами, которые обрушились на Бернштейна. В принципе в масштабах страны сделанное им было подлинным началом собирания записей голосов деятелей русской литературы. О том, как реставрировались валики фонографа, как эти записи переносились на пластинки, как пополнялось собрание живых голосов поэтов, можно было бы рассказывать ни один час! Отмечу только, что уже в первые годы советской власти дошли до массовых тиражей стали выходить пластинки с записями голосов наших писателей. Пластинкой № 1 была запись поэта Владимира Кирилловича Лурдасовича с автографом, где он записал «собирайте, собирайте и собирать!» Ясно, что собирайте голоса писателей. Почти одновременно с Андрониковым к этому делу подключился Лев Алексеевич Шилов. Тонкий знаток литературы и истории звукозаписи...

— Это мастодонты в данной области!

— Лев Алексеевич тогда был еще молодым человеком... Я оцениваю ситуацию по состоянию на сегодняшний день.

— Сегодня — да, но раньше Лев Алексеевич занимался в семинаре у самого Сергея Игнатьевича Бернштейна.

— То есть налицо прямая преемственность поколений? — Так оно и было. Именно усилиями Шилова обеспечена сохранность многих фонографических валиков, благодаря его стараниям записи были переведены на пластинки и пленки. Это серьезнейший вклад в сохранение звучащей литературы. Он и сейчас делает огромную работу: Лев Алексеевич трудился в Литературном музее, а ныне он смотритель Музея Корнея Чуковского в Переделкине и одновременно присматривает, насколько я знаю, за Музеем Булата Окуджавы. Шилов собирает и издает все, что можно собрать и издать на пластинках, на аудиокассетах, на компакт-дисках. Когда в 1963 году в Союзе писателей СССР была по инициативе Бориса Слупского создана фоновая лекторская секция, Шилов был ее первым председателем. Для меня встреча с этим человеком, который произвел примерно двадцать лет назад, была знаменательным событием в моей коллекционерской судьбе.

— А что, собственно, вас свело?

— Это получилось как бы само собой. Прочитав одну из статей Шилова, где он рассказывал о своих занятиях, я разослал телефон и позвонил ему. Мы встретились и с тех пор поддерживаем регулярные контакты, обмениваясь книгами, записями. И самое главное: я нашел в нем человека,

который способен по интонации определить авторство любой записи. Мы стали как бы сообщающимися сосудами. С ним можно обсудить любую проблему, связанную с записями голосов писателей.

— Судя по всему, Анатолий Иванович, коллекционирование обогатило вашу жизнь всеми нетривиальными событиями и встречами. А что еще, кроме помощи и совета поминутых вами людей, послужило действенным подспорьем при создании вашей коллекции?

— Очень многое оцениваю я то, что было сказано в этой области журналистом в Советском Союзе журналом «Кругозор». Его издание было начато в сентябре 1964 года. Как вы, наверное, знаете, в каждый номер журнала вкладывались гибкие пластинки со звукозаписями. В первом номере это была запись речи Хрущева.

— Я бы сказал, Анатолий Иванович, это был энергичный старт. Правда, Хрущев вскоре сняли...

— Как бы там ни было, журнал «Кругозор» за то время, пока он издавался, опубликовал на гибких пластинках записи большинства голосов мастеров художественного слова.

— Да, я помню. Эти пластинки, как называлось, пошли в народ.

— Журнал пользовался большой популярностью среди интеллигенции, у молодежи, у всех, для кого-то значил русский литературный язык. И в частности, что мне удалось собрать все 324 номера «Кругозора», которые вышли в свет за 27 лет его существования. Благодаря этому моя коллекция звучащей литературы приобрела как бы новое дыхание. В 1991 году журнал перестал издаваться...

— Как и многое другое... — Как и многое другое. Но если к гибким пластинкам «Кругозора» прибавить около трехсот полнотонажных пластинок, которые удалось собрать, сотни магнитофонных пленок и компакт-дисков, то можно составить себе некое представление о том, что такое звучание литературы, которое можно назвать новым записями. А оно проложит путь к новому оптимизму насчет русской поэзии. Она не умерла, она жива, на Руси Великой не перевелись поэты! Так что собирательство звучащей литературы рано складывать руки. Что до моей коллекции...

— Вместе с коллекциями других собирателей она дает реальную возможность создать, например, антологию звучащего поэтического слова России. Это было бы великопознание. Хотя не могу не упомянуть и о некоторых не очень радостных моментах.

— Что вы имеете в виду? — Это антологию непременно придется начинать с записей, сделанных на валике фонографа: эти записи, естественно, сопро-

вождаются массой шумов, каких-то посторонних звуков. На них присутствует иногда не сам живой голос, а как бы его тень.

— Анатолий Иванович, но ведь сейчас существуют технологии, которые позволяют очистить записи. Разве не так?

— Здесь есть одна тонкость. Если запись освободится от шумов, она одновременно освободится и от достоверности. Какой-то шум обязательно должен остаться.

— Но это уже вопрос тактико-кооператорский.

— Согласен. Иными словами, сохранность записей голосов литераторов очень разная: одно дело — валики фонографа, другое — грамматики или аудиокассеты, совсем иное — компакт-диски. А ведь именно плохо сохранившиеся записи имеют особую, ни с чем не соизмеримую ценность. Историческую, человеческую, эстетическую.

— Анатолий Иванович, позволяете вторгнуться в ваши горные размышления с земным арифметическим вопросом: сколько поэтов представлено в вашей коллекции записями своих голосов, сохраненными на носителях разных типов?

— Около ста пятидесяти поэтов. Но к этому надо сделать одно добавление: у меня есть также записи людей, которые окружали этих поэтов. Запись голоса Есенина и запись голоса его матери, запись воспоминаний Миклашевской о Есенине. Кроме того, в «сеенинскую» подборку могли бы войти и записи Клюева и Городецкого, который читает свои стихи о Есенине. Дальше Владимир Маяковский декламирует свои стихи, после этого — Лия Брик рассказывает о стихах и о самом Маяковском. Затем рассказывает о

Маяковском Вероника Полонская.

— Анатолий Иванович, простите, а монтируются ли друг с другом Лия Брик и Вероника Полонская?

— (Смеется.) Монтируются, монтируются. Время все мирит и расставляет по своим местам. Кроме того, есть запись голоса человека, который сопровождал Маяковского в его поездках по стране.

— Вы имеете в виду «тихого еврея» Лавута?

— Да, это тоже очень интересно для ценителей поэзии и поклонников поэта. Есть у меня в записях и воспоминания о Николае Гумилеве.

— Вы ведь были знакомы с его сыном, Львом Николаевичем Гумилевым?

— У меня есть запись разговора со Львом Николаевичем о его нелегкой судьбе. Она делалась у меня дома. Тогда Гумилев-младший прочитал несколько неопубликованных стихотворений отца. В коллекции нет голоса Марины Цветаевой, но есть очень интересные записи Анастасии Цветаевой и Веры Зигановой. Олин любительный файл. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе), я убедился, что на американской пластинке стихи — Марины Цветаевой, а голос и исполнение — не ее. Близкие поэтам люди бесспорно воспроизводят присутствие поэта. Когда мне в США попалась пластинка, на которой записан З. было написано «Цветаева», я буквально обомлел. Пластинка была очень дорогая, купить я ее не мог, но попросил послушать. Когда же в Москве послушал запись Анастасии Цветаевой, которая читала стихи своей сестры (а они часто выступали вместе),